

СМЕРШ —
спецназ Сталина

МЕТАЛЛ ЦВЕТА КРОВИ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Металл цвета крови

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Металл цвета крови / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2019 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-105083-2

1941 год. Во время эвакуации ценностей из дворцового комплекса под Ленинградом таинственным образом пропала экспозиция «Изумрудной кладовой». Подготовленный к отправке груз не пришел в пункт назначения, но, как выяснилось позже, не достался он и немцам. После освобождения района от оккупации выяснить судьбу уникальной коллекции поручено майору СМЕРШа Олегу Березину. Ему удастся найти выживших свидетелей тех событий, но подробностей спешного отъезда уже никто не помнит. Тайна приоткрывается только тогда, когда Березин вступает в схватку с неизвестными, которые точно знают, за чем охотятся...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105083-2

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Тамоников

Металл цвета крови

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

17 сентября 1941 г.

С юга доносилась канонада. Гудели бомбардировщики, перепыхивая рваные порядки отступающей Красной Армии.

Водитель с бледным лицом и петлицами сержанта резко затормозил, едва не проскочив распахнутые ворота в узорчатой ограде. За высокой изгородью, смутно напоминающей решетку Летнего сада, простиралось обширное парковое хозяйство.

Он выкрутил баранку до упора, сдал назад. Разболтанный «ГАЗ-4» с укороченным кузовом и кабиной от полуторки въехал на широкую гравийную дорожку. В парке не было ни одной живой души. Входные билеты сегодня не продавали.

Пассажиров на крутом вираже едва не выбросило из кузова. Они возмущались, но не слишком грубо – мешало присутствие здесь же русоволосого лейтенанта госбезопасности. Он кусал губы, вертел головой, вцепившись в борт. В кузове помимо лейтенанта находились шесть бойцов из оперативных войск НКВД – темно-зеленые гимнастерки, фуражки с красными околышами и синими тульями. В кабине рядом с водителем – капитан госбезопасности – постарше лейтенанта, крепкого сложения, с острыми скулами.

Машина неслась по обезлюдевшему парку, мелкий гравий вылетал из-под колес. Желающих приобщиться к прекрасному сегодня не было – все кончилось, внезапно и бестолково. Парк был пуст. Шумели липы и клены, высились развесистые дубы с тронутыми осенней желтизной листьями. Разбегались пешеходные дорожки с коваными лавочками.

Дворцово-парковая зона была обширной, лесистая часть уже расступалась. В разрывах листвы показался Аннинский дворец – одна из летних резиденций императрицы Анны Иоанновны. В плане – сектор окружности, два рослых этажа, золотисто-салатовый колер, идеально гармонирующий с зеленью окрестных садов. Северная сторона – вереница резных пилястр и фальшколонн с вычурными капителями, в средней части – сферический купол со смотровой площадкой.

Перед дворцом раскинулся живописный парк, но сегодня он был пуст. Кусты и траву давно не постригали, желтела опавшая листва. Возвышались скульптуры в античном стиле – одетые и не совсем...

В левой части здания красовался высокий арочный проезд – туда и вела главная дорога, устланная цветным гравием. Машина неслась мимо парковых красот, казавшихся атрибутами вчерашнего дня.

Из арки навстречу выбиралась «эмка» – машины угрожающе сближались. Водитель грузовика пронзительно засигналил, призывая к остановке. Машины встали, как быки, упершись лбами. Пассажиры подались к переднему борту, приготовив самозарядные винтовки Токарева. Лейтенант привстал, стал всматриваться. Из кабины выпрыгнул капитан, размашисто зашагал к «эмке». Навстречу ему бежал взъерошенный субъект в штатском: под курткой неплохой костюм, мятый галстук съехал набок. Он заметно нервничал.

– Вы кто такие, черт возьми? – Субъект судорожно рылся в брючном кармане, извлекая документы. – Я второй секретарь Пушкинского горкома Савушкин. Объезжаю вверенные объекты, контролирую процесс эвакуации...

– Капитан госбезопасности Клыков, – козырнул капитан. – Прислан из Ленинграда для вывоза материальных ценностей. Это лейтенант госбезопасности Березин, – кивнул он на офицера в кузове. – Давайте-ка посмотрим ваши документы...

– Теряем время, товарищ капитан, – проворчал лейтенант Березин. – Это действительно Савушкин, я его знаю...

Вздрыгнула земля – снаряды и бомбы рвались уже в километре к югу от дворца. Нарастал гул самолетов. Лица людей были бледны, от недосыпа и постоянного напряжения воспалились глаза.

– Вот видите! – взвизгнул Савушкин, вырывая у капитана свои бумаги. – Делайте свою работу, капитан, а я буду делать свою! Вас заждались во дворце. Немцы появятся с минуты на минуту, а мне еще в Пушкин ехать!

– Удачи, товарищ Савушкин. – Капитан наблюдал исподлобья, как второй секретарь ныряет в машину. «Эмка» объехала грузовик, понеслась по дорожке. – Хрен ему, а не Пушкин! – злобно сплюнул капитан. – Слышишь, лейтенант, грохочет и на западе, и на востоке? Немцы уже везде – и в Пушкине, и в Слуцке, и в Красном Бору... Демочкин, почему стоим? – крикнул он водителю, запрыгивая в кабину. – Поехали, само не придет!

Действительно припозднились – попали в затор, выезжая из города. Беженцы уходили в Ленинград, море транспорта – и все навстречу. Пришлось пробиваться через людскую массу, искать объездные пути...

Справа осталось забитое досками северное крыльцо Аннинского дворца. Машина нырнула в арочный проезд, вынырнула в южном саду, который по красоте не уступал северному парку. Просторный двор с газонами и клумбами, далее местность террасами спускалась к югу – их связывали белокаменные лестницы. Газоны, скульптурные композиции, огромный неработающий фонтан, окруженный львами, – фактически на краю террасы. Внизу – лужайки, беседки, флигели, закрытые павильоны для отдыха и развлечений.

Территория дворца находилась на возвышении. С нее просматривался южный лес: над ним вставали клубы дыма. За лесом село Красивое – там, похоже, шел бой. Слева, за лесополосой, городок Никольск. Бой смещался к нему – туда откатывались отступающие части Красной Армии...

Водитель объезжал разбросанные ящики, груды мусора. Небо гудело – восточнее дворца на Ленинград шли вражеские самолеты. Они словно призраки – то появлялись между облаками, то пропадали.

– Товарищ лейтенант госбезопасности, это что же творится? – бормотал, сжимая цефье винтовки, младший сержант Яранцев. – Почему мы просто так уходим? Мы же не сдаем Ленинград? Это уму непостижимо...

– Заткнитесь, младший сержант, – процедил сквозь зубы Березин, – и выполняйте приказы, тогда все будет хорошо.

Машина подкатила к помпезному крыльцу. Здесь суетились люди в штатском – выволакивали из здания коробки и мешки. Катился по ступеням металлический кубок, за ним бежала растрепанная женщина в старой кофте.

Бойцы НКВД по команде выпрыгивали из кузова. Хлопнув дверью, из кабины вывалился капитан Клыков, бегло осмотрелся. От грохота разрывов в Никольске здесь уже закладывало уши. Самолеты ушли на Ленинград, но гул снова нарастал – подходила новая лавина бомбардировщиков. Облака висели низко – поди пойми, куда они летят.

Поблескивали глубокие впадины окон. Обилие лепнины, декоративной скульптуры. Мускулистые атланты подпирали выступы фасада. Боковые части здания представляли собой портики – полуоткрытые помещения, там крышу поддерживали колонны. К западному крылу примыкала дворцовая церковь – матово отливали золоченые купола.

– Ну, наконец-то... – С крыльца спускался грузный пожилой мужчина в очках. От волнения у него подрагивала нижняя челюсть. – Нам позвонили, что вы выехали, но вас так долго не было... – Он сжал протянутую капитаном руку, нервно затряс. – Родман Михаил Борисович, директор парка-музея... Знаете, товарищи, все происходит, как во сне, трудно поверить, что это на самом деле... Такое не поддается никакому логическому осмыслению...

– Делайте свое дело, товарищ Родман, – Клыков показал директору служебное удостоверение, – а выводы из происходящего будут делать другие. И исправлять ситуацию будут другие. Все готово? – Он возмутился, осматриваясь вокруг: – Где груз, черт вас подери?

Директор закашлялся, схватился за массивные перила, громко засопел. Похоже, у него пошаливало сердце.

– Все в порядке, товарищ офицер, мы все погрузили и упаковали своими силами... – сообщила растрепанная женщина лет сорока, прижимая к груди увитую узорами бронзовую чашу. – У нас было двое мужчин... без них мы бы не справились... Все упаковали по инструкции, как положено, в герметичные контейнеры... Груз осмотрел товарищ Савушкин, второй секретарь Пушкинского горкома, он недавно выехал, вы должны были с ним встретиться... Ой, простите, я не представилась: Алла Григорьевна Шепелева, старший научный сотрудник музея...

– Где груз, черт возьми? – начал раздражаться Клыков.

– Товарищ офицер, ведите себя прилично! – осадила его стройная молодая женщина с короткими волнистыми волосами. – Вы еще матом нас покройте, только этого не хватает... Самолеты летали... один прошел совсем низко над дворцом, мы думали, огонь по нам откроет, бросились врассыпную... Алла Григорьевна посоветовала Михаилу Борисовичу отвезти машину в гараж – это здесь, рядом... Да и вас долго не было... Машина в гараже, наш водитель тоже там, его фамилия Фонарев...

– А вы кто такая? – Клыков уставился на женщину.

– Я... – она шумно выдохнула, покосилась на лейтенанта Березина, словно ища защиты. – Черкасова Юлия Владимировна, сотрудница музея, искусствовед...

– Михаил Борисович, с вами все в порядке? – бросилась к директору немолодая седовласая женщина. – Вам плохо? Сердце прихватило?

– Все хорошо, Зинаида Ивановна... – Директор шумно выдохнул, промокнул платком вспотевший лоб. – Такая бездна напряжения в эти дни... Возьмите, товарищи офицеры... – Он вынул из внутреннего кармана сложенные вчетверо листы, протянул лейтенанту Березину: – Это опись приготовленных к эвакуации предметов коллекции... Прошу прощения, что написано от руки, у нас не было времени. Но там все понятно, у Зинаиды Ивановны каллиграфический почерк...

Березин, поколебавшись, отдал бумаги Клыкову. Тот поморщился, бегло проглядел список, сложил листы, сунул в брючный карман.

– Показывайте, где ваш гараж. Березин, Демочкин, со мной, остальным оставаться здесь.

– Пойдемте, я покажу. – Из-за фонтана вынырнул худощавый мужчина лет тридцати пяти. – Это рядом... Моя фамилия Вишневский, я заведу хозяйственной частью музея...

Все невольно присели – два взрыва прогремели за павильонами. Такое впечатление, что снаряды разорвались в одной точке. Взметнулась земля, обрывки кустарника, развалилась часть павильонной стены.

Побледнела и попятилась Юлия Владимировна. Заткнула уши Алла Григорьевна Шепелева, забормотала что-то невнятное.

– Они же не станут этого делать, Михаил Борисович? – заламывала руки Зинаида Ивановна. – Они же не посмеют разрушить такую красоту, они ведь считают себя цивилизованной нацией...

– Плохо вы их знаете, Зинаида Ивановна... – Директор перевел дыхание. – Все, товарищи, прячьтесь куда-нибудь... Все в арку!

– Персоналу музея немедленно покинуть территорию! – кричал, срывая голос, Клыков. – Вы сделали свое дело, уходите! Где вы живете, в Никольске? Вот туда и бегите! А если там бой, отсидитесь в лесу! Или прорывайтесь в Ленинград, есть у вас дополнительный транспорт?

Извините, мы не можем взять вас с собой – у нас ответственное задание и нет пассажирских мест...

Его крики потонули в грохоте разрывов.

Сотрудников музея было около десятка. Они бежали к арке. Происходило что-то страшное, не поддающееся разумному объяснению. Почему немцы разрушают дворцовый ансамбль? Здесь же нет обороняющихся! Они прекрасно видели, что здесь находится! Стреляли из леса – танки, полевая артиллерия. Никольск на востоке затянуло черным дымом. Взрывалась густая лесополоса.

Несколько снарядов залетели на дворцово-парковую территорию. Обрушилась белокаменная лестница в районе фонтана, другой снаряд разметал клумбу. Третий угодил в здание дворца – в районе чердака над аркой. Вздрыбилась крыша, посыпались обломки, но перекрытие арки выдержало.

Часть людей помчались обратно, другие кинулись в сквер. Женщины поддерживали с трудом бредущего директора.

Лестница справа от фонтана была еще целой. Вишневский прыгнул на нее, давая понять, что это кратчайший путь, замахал рукой – давайте за мной. Офицеры и сержант Демочкин бежали следом.

Гараж находился фактически рядом, в низине, и был замаскирован под окружающие постройки – сразу и не скажешь, что это гараж – окрашен в салатовые тона, крыша с вычурным карнизом. Ворота нараспашку, раздваивалась подъездная дорожка – одна уходила к запасным воротам, другая огибала фонтаны и парк.

Вишневский спрыгнул с лестницы, засеменял к гаражу. Клыков споткнулся, выругался, подвернув щиколотку. Как не вовремя! Отмахнулся от протянутой руки, захромал. Березин вертел головой. Обстрел стихал – видно, немцы сообразили, что напрасно изводят боеприпасы. Огонь перекинулся на Никольск – там отступающие советские части делали попытки закрепиться в городе.

Гаражное хозяйство имело сквозной выезд. Напротив въезда – еще одни ворота, слава богу, закрытые; по ним как раз молотили осколки от рвавшихся в стороне снарядов.

Гараж был просторный. Из полумрака выступали очертания грязной полуторки, за ней – автобус со снятым колесом – рессору поддерживала стопка кирпичей. Мятая «эмка», напротив – еще какие-то машины.

Полуторка была готова. С подножки спрыгнул невысокий упитанный мужчина, устремился к офицерам.

– Прибыли, ну, наконец-то, товарищи, и часа не прошло... – бормотал он, заметно заикаясь. – Все готово, можем ехать... А то прыгаю тут и гадаю – накроет бомбой, не накроет...

– Вы Фонарев? – спросил Березин.

– Да, я... – Мужичонка сглотнул. – Числюсь штатным работником государственного предприятия... загрузили.

– Вишневский, Фонарев, вскрыть пару ящиков.

Груз, обтянутый брезентом, занимал переднюю часть кузова. Остальное пространство было свободно. Работники музея оторвали брезент, прибитый гвоздями.

Продолговатые деревянные контейнеры напоминали снарядные ящики. Возможно, они не были герметичными, но этого и не требовалось. Восемь единиц тары, в три ряда – не такой уж объемный груз. Крепежные устройства с защелками были опломбированы. Вишневский колебался, правильно ли он понял команду – капитану пришлось прикрикнуть, только тогда он начал срывать пломбы.

Со скрежетом приоткрылся один из ящиков. Груз был устлан соломой. Клыков отстранил Вишневого, пристроился на корточки, стал ее ворошить. Березин отпихнул Фонарева, сел

рядом. Много соломы, несколько слоев оберточной бумаги – груз паковали спешно, использовали что было под рукой.

– Вот же мать честная... – пробормотал Клыков.

Зрелище впечатляло! В свете фонаря переливались драгоценные камни, встроенные в лакированные панели, блестели шкатулки, ювелирные украшения. Отсвечивало золото, благородная платина. Березин сглотнул – ком подкатил к горлу.

– Да, все правильно, – проворчал Клыков, – закрывайте. Теперь вон тот ящик, – он ткнул в контейнер у противоположного борта.

Работники сопели, наступали друг другу на ноги. Сержанта Демочкина на это мероприятие не пригласили. Он сиротливо мялся за бортом, вытягивал шею, опасно поглядывал на распахнутые ворота.

Во втором контейнере оказались ювелирные украшения, они были разложены по шкатулкам. Снова панели с инкрустациями, свитки, скрученные рулонами картины, овальные предметы, завернутые в плотную ткань. На упаковку шла даже старая одежда.

– Закрывайте, – распорядился Клыков.

Он отстранился к борту, облегченно перевел дыхание, устался на лейтенанта. Тот не стал проявлять любопытство, хотя пара вопросов у него появилась. Работники возились, мешая друг другу, офицеры раздраженно на них поглядывали.

– Товарищ капитан, неужели немцы разрушат всю эту красоту? – спросил Березин. – Ладно, пусть варвары, звери... Но они же не глупцы? Все эти дворцы, парки, пышное убранство, скульптуры, ландшафты – это же бешеные деньги. Неужели они сами не захотят это использовать – в качестве тех же музеев, мест отдыха, для похвальбы, что вот, наконец, захватили наше культурное наследие, а теперь им наслаждаются...

– Ты не понимаешь, лейтенант, – ответил Клыков, утирая ладонью мокрый лоб. – Случись это где-нибудь еще – в Крыму или на Кавказе – возможно, и наслаждались бы. А это Ленинград, чувствуешь разницу? Город, которого не должно существовать, по их убогому мнению. У них патологическая ненависть к этому городу и всему, что с ним связано. Какие, к черту, культурные памятники? В гробу они их видали. У них задача – уничтожить, стереть с лица земли, чтобы ничто не напоминало об этом городе.словно и не было никогда Ленинграда, который для нас, советских людей, не только колыбель революции, город Ленина, а наша гордость, история, от Петра до наших дней, мать их... – Клыков выругался. – Поэтому они ни перед чем не остановятся, будут утешать, пока ровное место не останется. А все ценное, если его можно унести, естественно, разграбят, увезут. Для того мы с тобой сюда и прибыли, чтобы не дать им это сделать... Эй, вы долго еще будете возиться? – окрикнул он музейщиков.

– Все, готово... – Фонарев защелкнул замки, вопросительно уставился на Клыкова. Вишневынский натягивал брезент, пытаясь втиснуть его края под ящики.

– По домам, товарищи, да пошустрее! У нас свой водила есть, – кивнул он на заждавшегося Демочкина. – Он и повезет. Сержант, в кабину!

Долго не разговаривали: музейные сотрудники покинули кузов, заспешили к воротам. На них уже не смотрели.

Демочкин распахнул дверь, запрыгнул на подножку. В этот момент опять начался обстрел. Снаружи загрохотали взрывы, кто-то закричал. Клубы дыма ворвались в открытый гараж. Прогремело неподалеку, вздрогнул пол, штукатурка посыпалась со стен.

– Бежим к машине, лейтенант! – прокричал Клыков. – Демочкин, дожись, пока утихнет обстрел, потом выводи колымагу!

– Слушаюсь, товарищ капитан государственной безопасности... – У сержанта побелели скулы, затряслись руки – он явно не был образцом отваги. Офицеры выбежали из гаража и помчались к уцелевшей лестнице, ведущей на террасу.

– Лейтенант, не лезь под осколки! – прокричал Клыков, поднимая с земли упавшую фуражку. – Пригнись, мать твою за ногу!

Интенсивность обстрела снова возросла. Еще один снаряд угодил во дворец, на этот раз пострадал восточный портик. Но колонны устояли. Все плавало в дыму.

Гражданские убегали на восток, в сторону Никольска, где обстрел как раз прекратился. Озиралась Алла Григорьевна, подволакивала ногу. Юлия Владимировна и седовласая Зинаида Ивановна поддерживали директора. С ними бежали еще четверо или пятеро. Растерянно оглядывался водитель Фонарев. Неподалеку от горделивых львов в сквере остались лежать два окровавленных тела – мужчина средних лет и молодая девушка, почти девчонка.

Машина группы сопровождения не пострадала. Бойцы залегли: кто-то спрятался под колеса, трое распластались за обломками беседки.

Вся южная оконечность дворцово-паркового ансамбля покрывалась чередой разрывов. Из дальнего леса выползали танки, пламя вырывалось из оружейных стволов. Вполне возможно, что они шли не на дворец, а с фланга обходили Никольск, но огонь вели не только по Никольску!

Взрывы расцветали вокруг фонтана, обрушивали террасы, но сам фонтан пока был цел. Из пыли и дыма снова и снова выплывали невозмутимые львы. До самого дворца снаряды еще не долетали.

Клыков орал дурным голосом, выхватил зачем-то пистолет. Команда была ясна – все в машину! Березин срывал голос: «Ефрейтор Телегин, за руль! Разворачивай машину! Вот идиоты, раньше не могли развернуться?!»

Подбегали бойцы, швыряли винтовки в кузов «ГАЗа», сами переваливались через борт, падали пластом. Свистели осколки.

Березин забрался в кабину на пассажирское место. Белый, как мел, Телегин с трудом попал ключом в замок зажигания. Машина разворачивалась, перевалив через бордюр. Между крылатыми ангелочками с постными мордашками метался взвинченный капитан Клыков. Сообразил, что с пистолетом он смотрится глупо, затолкал его в кобуру. Не расстреливать же Демочкина, который непонятно где возится!

Полуторка неохотно выбралась из гаража. Демочкин повернул влево, потом сообразил, что это не та дорога, хрустнул рычагом, включая задний привод, ушел направо, пропал за террасой с фонтаном.

Прогремел взрыв, разлетелись клочки дерна. Закричали люди. Но нет, все в порядке, снаряд упал с недолетом. В следующий миг полуторка возникла из облака дыма, вся забрызганная грязью. Сержант давил на газ, захлебывался двигатель. Оторвался край брезента, болтался, как простыня на ветру, в кузове подпрыгивали контейнеры.

В стороне от машины прогремели взрывы, осколки оцарапали борт. Бойцы переживали за сержанта, как за форварда любимой команды, рвущегося с мячом к воротам! Что-то кричали, хватались за головы. Демочкин дал вираж, зацепив каменный вазон, вышел на финишную прямую. Затормозил в нескольких метрах от арки, высунулся из окна. Зубы выбивали чечетку.

– Сержант, тебя только за смертью посылать! – проорал Клыков.

– Так это самое, товарищ капитан государственной безопасности... – бормотал разгоряченный Демочкин, – вы же сами приказали подождать, пока утихнет...

– И что, утихло? – Клыков запрыгнул в кабину, хлопнул дверцей. – Березин, мы первые, вы – за нами! Пулей, мужики, валим отсюда!

Танки выбирались из леса, их было много. Часть машин разворачивалась к восточной лесополосе. Несколько танков продолжали двигаться прямо, били по дворцу – видно, танкисты заприметили подозрительную активность.

Полуторка первой въехала под арочный свод, стала перебираться через груды битого камня, закрипели рессоры. «ГАЗ-4» едва не толкал ее, возбужденный Телегин зачем-то давил

на клаксон – как будто здесь можно было ехать быстрее! Бойцы лежали в кузове, бросив карабины, закрывали руками головы.

За спиной, на территории дворца, уже всю рвались снаряды. Один угодил в здание, расколол атланта, посыпались обломки.

Наконец, обе машины вырвались из арки. Телегин притормозил, давая полutorке возможность уйти вперед. Она уходила в отрыв – препятствий впереди пока не было.

Сиротливо мелькали изваяния, провожали уезжавших грустными глазами. Прямая, как стрела, дорожка убегала в лес.

– Неужели вырвались, товарищ лейтенант? – обрадовался Телегин, вытирая слезящиеся глаза. – Так тяжело, хоть богу молись...

– Лучше уж так, Телегин, чем как-нибудь... – Березин откинулся на спинку, прикрыл глаза. Слово сон и бред, будто и не было ничего... Спohватившись, подался вперед: – Жми, Телегин, догоняй капитана!

Он не удержался, высунулся в открытое окно и посмотрел назад. Разум отказывался понимать увиденное. Позади дворца поднимались клубы дыма. Северная сторона архитектурного шедевра пока не пострадала. Но с потолка арочного проезда уже сыпались перекрытия. Очередной снаряд угодил в здание на уровне второго этажа. Насквозь не прошел – рванул внутри. Вылетели оконные рамы, обвалилась часть стены с лепными узорами. В здании разгорался пожар, из кучи мусора взметнулся столб пыли. Березин вернулся на место, закрыл глаза. Что же делают, гады, такая красота, ничего святого...

Колонна миновала лесистую часть парка, выкатила из ворот, ушла направо. Взрывы гремели в северном секторе парка, но здесь их глушила стена деревьев. На севере виднелся лес, прореженный полянами и населенными пунктами – увы, не тайга...

Глава 2

Клыков семафорил из кабины ведущей машины. Телегин сбавил ход, видя, что и Демочкин делает то же самое. Колонна остановилась там, где заканчивалась решетка дворцовой ограды.

Не было времени думать, но и наобум работать нельзя! Мощеная дорога на этом участке обрывалась, возникала «вилка» из проселочных дорог. Городские автобусы здесь уже не ходили – все маршруты пролегали с противоположной стороны дворца. Впереди – 15 километров сельских дорог и полная неясность.

Клыков вышел из машины, повертел онемевшей шеей, извлек из портсигара папиросу и зашагал к машине сопровождения. Березин вылез навстречу, тоже закурил. Завозились бойцы в машине, подняли головы. На слух было трудно понять, что происходит. Гремело везде, и только здесь пока было мирно и безлюдно. Но все могло измениться в любую минуту.

– Они взяли Никольск, лейтенант, – сообщил, сплюнув под ноги, Клыков и криво усмехнулся. – Сам не видел, но задним местом чувствую. На шоссе выезжать нельзя, там уже немцы. Ты силен в проселочных дорогах?

– Нет, товарищ капитан, – помотал головой Березин. – Сам я из Ленинграда, в пригородных лесах не больно-то разбираюсь.

– Вот и со мной такая же история. – Клыков выкурил папиросу в несколько затяжек, бросил окурочок под ноги, со злостью растоптал. – Ладно, уходим влево, на проселок, обгоним фрицев. Они же не реактивные...

– Что вывозим, товарищ капитан?

Клыков пристально посмотрел в глаза молодому офицеру, несколько мгновений колебался с ответом.

– Много будешь знать, лейтенант, как говорится... – Он сухо хохотнул. – Уж не обессудь, что надо, то и вывозим. Ценности Аннинского музея, сам же видел, что тут непонятного? Знаменитая коллекция...

– Не слышал никогда об этой знаменитой коллекции, товарищ капитан.

– От этого она не менее знаменитая. – Клыков оскалился. – Давай в машину, лейтенант, через болота поедем. Шесть верст страха, и мы у своих...

Задний борт полуторки плясал перед глазами. Брезент фактически оторвался, было видно, как подрагивают на кочках контейнеры. Жидкая грязь летела из-под колес. Сегодня дождя не было, но за несколько дней до этого он молотил, как в тропиках, превращая дороги в жидкую кашу.

Северное направление плавно уходило в низину, уплотнялись заросли. За пригорками рваными пучками высился лес. Справа в километре пролегла автомобильная дорога, связывающая Никольск с поселком Металлострой – ее наверняка перерезали немцы. В лесной местности захватчиков пока не было. Лес желтел, но листва еще создавала неплохую маскировку.

Высыхал горячий пот под гимнастеркой. Березин покосился на водителя. Телегин закурил губу, вцепился в руль и так напряженно таращился на дорогу, что постоянно пропускал ямы и ухабы. Роптали бойцы в кузове. Лейтенант знал этих ребят плохо, только по фамилиям, их надергали в случайном порядке: младший сержант Яранцев, рядовые Артюхов, Машковский, Таврин, Косарь. Все молодые, но уже не дети – за двадцать, а Яранцеву и вовсе двадцать шесть или двадцать семь. В бою еще не были, охраняли важные объекты, иногда разбирали завалы после бомбардировок...

Небо темнело – сгущались тучи. Середина дня, а ощущение сумеречного часа. Гул низко летящего самолета давил на уши. Вот его тень промелькнула под облаками и снова ушла в

косматую облачность. Ругнулся Телегин. Ладно, пронесло – у немецких асов богатый выбор, сомнительно, что они будут расстреливать одиночные мишени...

Нет, совсем не пронесло! Оба, и лейтенант, и Телегин, вскинули головы и окаменели. Что это? Прямо по курсу, словно крошечные облачка, медленно опускались белые купола парашютов! Они уже были над лесом, метрах в двухстах по курсу, совсем рядом. Даже различались фигурки людей под ними...

У Березина перехватило дыхание. Немецкий десант! Совпадение? Да какая, к черту, разница! Купола снижались, было видно, как парашютисты держатся за стропы. Навьюченные, при полном вооружении, в комбинезонах защитного цвета. Не меньше двух десятков...

– Телегин, тормози! – крикнул лейтенант. – Сигналь капитану – он что там, зенки замылил?!

Машина резко остановилась, истошным криком взорвался звуковой сигнал. Наперебой закричали бойцы в кузове – они тоже заметили парашютистов. Остановилась полупторка – ну, слава богу, и они заметили! Березин вывалился из кабины, побежал к головной машине. Высунулся Клыкков, закричал от злости зубами.

– Товарищ капитан, разворачиваться надо! – закричал Березин. – Они видят нас, дорогу перекрывают!

И, словно в подтверждение, застучали автоматы. Терпения десантникам не хватало, открыли огонь еще в воздухе. Особой эффективностью стрельба не отличалась – слишком далеко. Но пули свистели где-то поблизости, было видно, как они выковыривают куски дерна.

Капитан слышал, как парашютисты обмениваются короткими репликами, смеются. Половина десанта уже приземлилась – похоже, за деревьями была подходящая поляна. Остальные невозмутимо покачивались в воздухе, продолжая снижаться.

– По вражеским парашютистам – огонь! – прокричал Березин, скачками возвращаясь к машине. – Телегин, разворачивай колымагу! Пропусти полупторку! Демочкин, двести метров назад, там был проселок, повернешь влево!

Разворачивались обе машины – вязли в колее, давили кустарники. Бойцы вразной палили из винтовок. Истошно закричал Машковский: «Попал! Гадом буду, товарищ лейтенант, попал!» Один парашютист выпустил автомат, повис, свесив на грудь голову. Но остальные уже приземлились и теперь где-то за деревьями избавлялись от парашютов...

Надрывал глотку Клыкков, костеря Демочкина: куда едешь, не видишь – яма! Полупторка, рыча, как испуганный зверь, насили развернулась, выехала на дорогу и устремилась в обратном направлении.

Березин подпрыгивал от нетерпения – как же медленно! Наконец они развернулись и пристроились к машине с грузом. На этой дороге еще было терпимо, она продувалась ветром и была сравнительно сухой, но когда они свернули на единственный проселок, Березин понял, что допустили ошибку. Невозможно здесь быстро проскочить – сплошная слякоть, колеса вязли в жиже, надрывались изношенные двигатели. Лейтенант чувствовал, что противник уже здесь, парашютисты бегут по лесу, разворачиваются в цепь!

Машины тащились, как черепахи, буксовали в рытвинах, скорость упала. Полупторка встала. Ее колеса бешено вертелись вхолостую, вышвыривая лепешки грязи. Бойцы матерились в семь луженых глоток!

Телегин медленно подъехал к полупторке, уперся капотом в задний бампер и выжал газ до упора. Машины раскачивались, как на качелях, взад-вперед... Удача – грузовик выбросило на сравнительно сухой участок дороги, Демочкин не преминул воспользоваться моментом и ударил по газам.

Метров пятьдесят было терпимо, потом опять началось. Дорога пошла волнами – вверх, вниз. Колея углублялась, в ней скапливалась грязь. Крутые водостоки, канавы с бурой жижей... Лес слева отступил, но от этого легче не стало.

Полуторка застряла основательно – встала с перекосом, еще и накренилась. Березин в ярости дубасил кулаком по панели, потом выскочил из машины. И тут же присел – пуля попала в дверцу!

Из леса залаяли автоматы. Фашисты рассыпались в цепь и неумолимо приближались к дороге! Березин выхватил из кобуры «ТТ», стал бегло палить. Припали к борту красноармейцы и тоже открыли огонь. Распахнулась дверь полуторки, и в грязь свалился сержант Демочкин. На нем лица не было! Он затравленно озирался. Пуля сбила с его головы фуражку, он закричал от страха. Потом задергался и вдруг прыгнул в канаву, провалившись в вязкую жижу. Начал извиваться, как на раскаленной сковородке, выкатился на поляну, потерял сапог, вприпрыжку побежал к лесу, истошно крича: «Не стреляйте! Не стреляйте!»

Это было так неожиданно, что бойцы от удивления прекратили огонь. Разразился благим матом капитан Клыков, спрыгнул с подножки, побежал следом за Демочкиным. Тот стоял на краю канавы, ноздри раздувались, глаза сверкали. Капитан вскинул пистолет, надавил на спусковой крючок. Раздался выстрел. Демочкин очнулся и припустил к лесу, озирался через каждый шаг.

Первая пуля попала в плечо, боец закричал, но продолжал бежать – страх гнал его прочь от опасности, хлестал невидимой плетью по затылку. Вторая пуля перебила ногу, Демочкин рухнул на землю. Третья вырвала клоч ткани на спине, брызнула кровь. Беглец повалился ничком, широко раскинув руки.

За спиной продолжали трещать автоматы.

Клыков довольно засмеялся, кинулся к кабине полуторки. И вдруг изогнулся, страшно закричал, лицо исказилось от мучительной боли. Он рухнул на обочину, в шаге от кабины, сполз в канаву. В районе живота расплывалось бурое пятно. Березин было дернулся, да поздно – уже не поможешь!

– Бойцы, к машине! – заорал он, не узнавая свой голос. – Все в канаву, сдерживать немцев! Телегин, ты тоже, бросай к чертовой матери эту колымагу!

Лейтенант полз по дороге, увертываясь от пуль, видел краем глаза, как красноармейцы валяются через борт, испуганно прыгают в канаву. Один сержант Яранцев остался на дороге, пополз куда-то, задыхаясь, выпучив глаза. Из его живота вываливалась бурая каша...

Немцы предусмотрительно не покидали лес, засели в кустах на опушке, лениво постреливали. Бойцы рассыпались в канаве, вели беспорядочный ответный огонь. Потрескивали немецкие автоматы «MP-40», лаяли «Светки» – как любовно называли в войсках самозарядные винтовки Токарева.

Березин подполз к кабине полуторки. Машина стояла накренившись, болталась распахнутая дверца. Лейтенант задыхался, то и дело выплевывал грязную слюну. Несколько раз приходилось замирать, закрывать голову – шальные пули свистели совсем близко. Фуражка потерялась, волосы стояли дыбом – но он ничего не замечал.

Сделал рывок, прикрылся трупом Клыкова, дождался паузы в стрельбе, вскочил в кабину. Захлопнул дверцу, какая-никакая – защита. Двигатель продолжал работать, кабина подрагивала, трясся рычаг переключения передач.

Березин скрючился на сиденье, спрятал голову. Пуля разбила стекло – в лицо, в шею посыпались, впиваясь, осколки. Больно! Он извернулся, вцепился в баранку. Работать двумя педалями было сложно, но кое-как получалось. Лейтенант выжимал сцепление, поддавал газу, умудрялся действовать рычагом.

Машина дергалась: то катилась вперед, то снова погружалась в рытвину и вставала. Он не сдавался и начинал все заново. Свистели пули, рикошетили от кабины. Красноармейцы еще сопротивлялись, держали немцев в лесу, но стреляли уже не все винтовки! Березин захлебывался кашлем, не сдавался. Плавная подача вперед, резко выжать акселератор – и полуторка

выпрыгнула из рытвины! Он плевать хотел на опасность – сел, пригнувшись к рулю, заорал дурным голосом:

– В машину! Все в машину!

«ГАЗ-4» остался на дороге, да и черт с ним! На двух машинах не уйти. Ноги наткнулись на автомат «ППШ» – тот валялся на полу, никому не нужный. Трус Демочкин ни единого выстрела не сделал!

Это была удачная находка. Березин схватил автомат, передернул затвор, стал стрелять длинными очередями, прикрывая отход товарищей. Те выползали из канавы, бежали к машине, забирались в кузов. Не все, черт возьми! Телегин, Таврин, Машковский. Двое остались в канаве – Косарь с Артюховым... Он что-то говорил себе под нос, поливал свинцом опушку. Пот стекал по лбу, щипало глаза.

Это был эффективный огонь. Двое диверсантов намеревались выскочить из леса, полезли через кустарник – плотно сложенные, навьюченные, в камуфляжных комбинезонах, в шлемах с защитными сетками. Одного лейтенант срезал очередью, тот завалился спиной на кустарник, скривив удивленное лицо. Второй успел попятиться, куда-то стигнул. Выскочил офицер в фуражке, блестя петлицы под комбинезоном, он что-то раздраженно выкрикнул. Осанистый, еще молодой, с холодными глазами. Юркнул за дерево, и вовремя – пули ударили в ствол.

– Товарищ лейтенант, мы в кузове... – прохрипел Телегин. – Чего стоим? Едем отсюда к чертовой матери!

Березин спохватился, бросил дымящийся автомат на сиденье. Машина рванулась вперед, запрыгала по кочкам. Тряслась кабина, подлетал кузов.

Впереди был лес – неровный, лиственный-хвойный. Бойцы из кузова продолжали вести огонь – втянулись хлопцы? Поняли, что немцы тоже люди и их можно бить? Дорога пошла сухая – не может быть! Лейтенант высунул голову из кабины, посмотрел назад. Немецкие парашютисты, подгоняемые офицером, выбегали из леса, стреляли вслед полуторке. Кто-то длиннорукий метнул гранату. Было видно, как она кувыркнулась в воздухе и упала на дорогу. Взрыв был не сильный – граната наступательного действия – но осколки разлетались как положено, зацепили машину. Закричал Телегин, пронзенный осколками, выпал из кузова. Закричали другие бойцы: «Почему нам не выдали гранаты?»

Другой осколок пробил заднее колесо! Беда открылась не сразу – машину повело. Березин намертво вцепился в баранку, пытался ее выровнять. Мелькали осины и криворукие березы – местность снова уходила в низину. Машину трясло, скорость падала. Дьявол! Такие старания – и все впустую! Долбили автоматы – парашютисты догоняли, вели уже прицельный огонь. Скат, похоже, разнесло в клочья, скрипел проржавевший диск. Еще немного, и он сплющится в лепешку...

– Товарищ лейтенант, колесо пробило! – вопили в кузове.

Он выл от отчаяния, крыл фашистов матом. Все равно они должны уйти! Березин выжил газ до упора, работал скоростями. Машина кое-как шла, переваливаясь с боку на бок. Березин подпрыгивал до потолка, бился грудью о рулевое колесо. Голова раскалывалась.

Первое время полуторка шла быстрее, чем бежали немцы, но через пару минут все стало меняться. Ходовая часть разваливалась, захлебывался двигатель. Распахнулась дверца кабины, неприкаянно болталась, билась о деревья. Глаза невыносимо заливало потом, щипало. Уцелевшие бойцы еще стреляли, но энтузиазм с каждой минутой иссякал. Похоже, у машины отваливался задний борт. Бились в кабину контейнеры, словно просились на выход. Хрустнула рессора – какой убийственный звук!

Деревья двоились в глазах, несколько раз лейтенант съезжал с дороги – просто не видел ее! Скорость падала, ехать дальше было невозможно.

Потом заблестело что-то справа, деревья расступились. Обозначилась водная гладь, заросшая камышами и кувшинками – то ли озеро, то ли болото. Подъезд к воде был свободен, препятствием служили лишь разбросанные коряги.

Он свернул вправо и крикнул бойцам:

– Все из машины, держать оборону!

Слышал краем уха, как люди покидают искалеченную полуторку, как катятся в кусты, за деревья, различил первые одиночные выстрелы. Мелькнула шальная мысль: «Утопить этот груз в болоте! Пусть не достанется никому! А если и сам погибнет, ну и ладно!»

Березин включил пониженную передачу. Полуторка неуклюже перевалилась через коряги, опасно приближаясь к воде. Нет, пустое, хоть волком вой! Если это и болото, то никак не у берега. Надо было хорошенько разогнаться, но мешали коряги, да и сил у машины уже не оставалось, ходовая рассыпалась окончательно. Передние колеса погрузились в воду, он проехал метра три, дно было твердое, ил не засасывал. Машина заглохла. Вот и бесславный конец...

В голове мелькнуло: нет, еще не конец! С вражеским десантом надо покончить, их не так уж много осталось!

Лейтенант Березин схватил автомат, в диске еще оставались патроны, выпрыгнул из кабины, двинулся по воде, широко расставляя ноги. Бежать-то некуда, позади болото. Он и не думал этого делать.

Немцы перекликались со стороны дороги, трещал кустарник. Сообразили, что загнали русских в ловушку, теперь можно не спешить. Покрикивал офицер. Скучные знания немецкого позволяли Березину понять, что командир посылает солдат на фланги.

Березин, пригнувшись, побежал к лесу, упал за сломанным деревом, пополз по кочкам, по густому мху. Лес разреженный, все видно. Машковский скорчился в канаве, дышал, как астматик, жалобно смотрел на лейтенанта. Слева возился Таврин – самый молодой в отделении, вил себе гнездо, тихо постанывал. Машковский приподнялся, выстрелил из «СВТ» и тут же спрятался.

– Товарищ лейтенант, что делать? – Он повернул к командиру обескровленное лицо. – Их больше, нам не справиться...

– Родину защищать, Машковский, – буркнул Березин, пристраивая за кочкой автомат, – других приказов не дождетесь. Патроны есть?

– Есть малость, товарищ лейтенант, – сообщил боец. – Вот в обойме остатки и еще одна... последняя.

– Вот и истрать их с пользой. Таврин, что у тебя?

– У меня чуть больше, товарищ лейтенант... – дрожащим голосом отозвался солдат. – У Яранцева забрал, когда в машину запрыгивал... Он мертвый, ему без надобности...

– Молодец, Таврин. А чего стонешь-то?

Жалобные звуки затихли.

– Не знаю, товарищ лейтенант... Просто так, наверное...

– И помогает?

Нервно захихикал Машковский.

– Эх, молодцы... – Жгучий ком подкатил к горлу. – Ну что, повоюем еще? Держимся до последнего, бежать отсюда все равно некуда. Стрелять прицельно, патроны на ветер не бросать. Справимся, ребята, фрицев не так уж много осталось...

Он выдавал желаемое за действительное. Десантников изначально было около двух десятков, оставалось еще человек пятнадцать. Они лучше экипированы, лучше вооружены, и позиция у них выгодная. И вообще, они думают, что Ленинград вот-вот возьмут!

Злость не мешала лейтенанту мыслить трезво. Когда немцы пошли в атаку, он действовал грамотно: стрелял одиночными, перекатывался после каждого выстрела. Немцы тоже перебе-

гали, прятались за деревьями. Они были совсем рядом, он их прекрасно видел. Опытные, рослые, поджарые, умело использующие складки местности.

Диверсанты стреляли короткими очередями, прикрывали друг друга. От запаха пороховой гари щипало нос. Слева и справа гремели винтовки Токарева. Таврин стрелял часто, словно торопился истратить перед смертью весь боезапас. Машковский бил прицельно, берег патроны.

Стрельба уплотнялась, немцы нагнали, выкрикивали что-то гадкое, каждый раз раздражаясь диким хохотом. Снова мелькнула физиономия офицера – уже не такая самодовольная. Березин ловил его в перекрестье прицела, но тот все время ускользал от пули, словно издевался!

Вот перебежали двое: один успел залечь, другой картинно схватился за грудь, упал сначала на колени, потом носом в мох. Засмеялся Машковский – отличный выстрел! Другой немец выпал из-за дерева, держась за живот, застыл в неестественной позе. Остальные начинали злиться, палили беспрестанно. Двое появились сбоку – одного Машковский подстрелил, другого загнал обратно в кустарник.

Взорвалась граната – бойца отбросило назад, словно он получил громкую оплеуху, откинул окровавленную голову. Отлетела в сторону винтовка.

Немцам надоело тянуть резину – они пошли вперед, подгоняемые офицером. Шли быстро, стреляли от пояса, выкрикивали что-то сердитое.

Березин продолжал стрелять, повалил громилу с белесыми глазами. Ничего не осталось в голове – ни страха, ни злости, ни желания жить всем смертям назло! Слева стонал Таврин, садил из винтовки. И вдруг замолк. Березин не отвлекался, привстал на колено, бил по фигурам, мелькающим среди деревьев.

Кончились патроны в диске – все семьдесят штук. Он отбросил автомат, выхватил из кобуры пистолет, перекатился, стал палить, сжимая рукоятку двумя руками. Дрожали пальцы, двоилось в глазах. Мишени расплывались, кажется, он все-таки в кого-то попал. Кончилась обойма, он отбросил и пистолет, откатился вправо, схватил винтовку Машковского, сделал два выстрела. Повалился за кочку, пополз к Таврину, у того еще оставались патроны...

Граната упала практически под носом. Он уже не мог здраво оценивать происходящее. Тело не слушалось, в больной голове все смешалось. Он равнодушно смотрел на противоположную осколочную гранату, имеющую несоразмерную с боевой частью рукоятку. Там было выдавлено: «Vor Gebrauch...» Шелковый шнурок вывалился из торцевой части...

И лишь в последний миг Березин прозрел. Метнулся в сторону, в этот момент и грянул взрыв. Лейтенант почувствовал нестерпимую боль в боку и в плече... Потом все кончилось, и больше ничего не было...

Он начал возвращаться к жизни только с наступлением темноты. Почему он выжил – вопрос к богу, если допустить его существование. Осколки вонзились в тело, но, к счастью, не зацепили жизненно важных органов. Плюс хорошая свертываемость крови, молодость, безупречное здоровье...

Но крови Березин потерял много. Жизнь возвращалась фрагментами: темными пятнами, светлыми пятнами. Он видел кроны деревьев над головой, они качались. Плыли кудлатые облака...

Это не было похоже на смерть. Возвращалась память, способность анализировать прошедшие события. Он был похож на труп, и его посчитали трупом.

Березин перевернулся на бок, задышавшись от боли в боку, подтянул под себя ноги. Было холодно. Тишину нарушали только звуки природы: крупная птица спорхнула с дерева, рыбка плеснула в пруду.

Впрочем, прислушавшись, он различил отдаленный гул. Война продолжалась. Лейтенант медленно приходил в себя, попытался подняться, это удалось только с третьей попытки. Встал на колени, уперся в дерево здоровым плечом. Медленно повернулся к озеру.

Машина стояла именно там, куда он ее загнал. Задний борт отвалился. Лейтенант поднялся на ноги, рыча от боли. Это была неудачная попытка – пришлось опуститься. Он перевел дыхание и стал себя ощупывать. В левом боку все горело – такое ощущение, что туда засунули раскаленный пинцет. То же самое в левом плече. Рука шевелилась, сгибались и разгибались пальцы, но каждое движение сопровождалось адской болью.

Он полз боком, опираясь на здоровую руку, хрипел, сознание балансировало на краю. Силы иссякли, он лег, глядя на убитого рядового Таврина – у того в глазах застыл холод. Хорошо, что полумрак – не видно начальных признаков разложения...

За спиной бойца висел отдавленный вещмешок. Он извлек из кармана перочинный нож, перерезал лямки, развязал одной рукой. Но все усилия оказались тщетны – аптечки у бойца не оказалось. Теплые носки, кусок брезента, пара банок тушеной свинины...

Березин отдышался, пополз на поляну. Там должны быть трупы немецких парашютистов, а значит, – и аптечка. Он ползал по поляне, высовывался за деревья. Трупов не было – видно, немцы забрали их с собой. Каким именно образом, думать пока не хотелось. Но один ранец из грубой кожи он все-таки нашел.

Закусив губу, лейтенант извлек из кармана плоский фонарик, высыпал на землю содержимое ранца. Письма с фашистской родины, похожие носки, перчатки, нижнее белье, безвкусовые галеты – он отбрасывал все ненужное.

Аптечка, фляжка со шнапсом – вот это настоящий подарок! Шнапс был терпким, зловонным и очень крепким. Он обжигал стенки гортани и вызывал позывы к рвоте. Но потом стало легче. Пусть на время, но все же. Березин стащил с себя гимнастерку, нательное белье – и все время выл от боли. Сползал к воде, промыл раны, протер шнапсом, не забыв часть напитка влить внутрь.

Осколки прочно сидели в теле, вызывая жгучую резь. Извлекать их в таких условиях было опасно. Как долго он так продержится? Пока не начнется заражение – часов десять – двенадцать... А потом конец, если не попадет на стол к хирургу...

Он заматывал себя бинтами – сначала плечо, потом торс, не жалея бинта и обеззараживающей мази. Кровотечение почти прекратилось, но сколько крови он уже потерял? Выбора не было – он натягивал на себя окровавленную гимнастерку, убедился, что документы на месте. Потом ползал по траве, искал хоть какое-то оружие.

В обойме у Таврина оставалось три патрона. Винтовка была тяжелее железнодорожной шпалы, зато удачно заменяла костыль. Он нашел мятую пачку с сигаретами, встал на колени, вцепившись здоровой рукой в ветку, – только такая поза была терпимой. Курил и ухмылялся: вот же резиновый мишка с дыркой в боку...

Он допил остатки шнапса, задумался: не поискать ли второй ранец? Сколько фрицев они перестреляли – человек пять-шесть? Потом отказался от этой мысли. Алкоголь способен возвращать к жизни, но в умеренных дозах и ненадолго.

«Никому не расскажу, что от смерти меня спас немецкий шнапс», – думал Березин, ковыляя к машине. Он хлопал по воде, не замечая, как мокнут ноги. Груз из кузова пропал – все восемь ящиков. Задание они не выполнили, и если лейтенант выберется из этого ада, придется отвечать перед начальством. По головке не погладят, это точно.

Он пытался представить, что здесь произошло. Березина сочли за мертвого. Немцы вышли к озеру, осмотрели грузовик. Случаен ли десант или немцы действовали по наводке – уже никто не расскажет, незачем и голову ломать.

Часть диверсантов, очевидно, вернулись к «ГАЗ-4» на лесной дороге (до него тут метров триста), подогнали машину к озеру, перегрузили контейнеры, туда же уложили своих погибших и убрались. Их уже не найти, давно у своих. Красную Армию отогнали к городу...

Березин замер, прислушался. С севера доносился гул. Да и на востоке – то же самое. Доносились отдаленные взрывы – их скрадывали звуки леса. Неужели наши войска отступили к городу? Такого не может быть, кто-то же должен сопротивляться...

Он побрел к дороге, ориентируясь по памяти, теряясь в догадках – как долго он сможет пройти?

Несколько раз возобновлялось кровотечение, он делал остановки, перематывал бинты. Больше всего хотелось лечь и уснуть, но такой роскоши он себе позволить не мог. Березин брел, пока хватало сил, потом опускался на колени, полз.

В стороне стреляли, рвались гранаты, мины. Гудели самолеты. Несколько минут он лежал в кустах у дороги, дожидаясь, пока проедут немецкие мотоциклисты. Они кружили по полю, весело перекликались, потом убрались в западном направлении.

Он подобрал раздвоенную на конце жердину – она больше походила на костыль, чем винтовка, «СВТ» забросил за спину, двинулся в чашу, обходя заросли кустарника. Ближе к рассвету он окончательно обессилел, выполз из леса к дороге, съехал в канаву, где и потерял сознание.

Очнулся лейтенант Березин, когда по дороге брело выходящее из окружения подразделение красноармейцев. Его не замечали – мало ли что там валяется. Их было человек тридцать – все, что осталось от стрелкового батальона. Грязные, уставшие, многие в почерневших от крови повязках. Солдаты шли по дороге, с трудом волоча ноги. Подразделение еще было боеспособным – кто-то тащил на плече ручной пулемет Дегтярева, у многих за спинами болтались трофейные автоматы. Поскрипывала телега, запряженная лошадей, в ней лежали раненые, неспособные сами передвигаться.

Рядом с телегой брел вислоусый ефрейтор, иногда лениво понукая уставшую лошадь. Березин выполз на дорогу, стал беззвучно кричать, тянул руку. Почему его не видят? Солдаты уныло глядели под ноги.

Обернулся ефрейтор, когда разразился густым кашлем, что-то крикнул отставшим. Колонна сильно растянулась.

Березин попытался подняться, опираясь на жердину.

– Товарищ старший лейтенант, здесь наш! Офицер, кажется!

К нему подбежали несколько человек, попытались поднять, начали спрашивать, кто такой, откуда? Он не мог отвечать, только хрипел, разъезжались ноги.

– Товарищ старший лейтенант, да он не жилец, куда его? – проворчал кто-то. – У нас и без того телега перегружена...

Березин начал возмущаться, кричал: да что вы понимаете! Он полон сил, может воевать, дайте только время отлежаться! На самом деле он только сипел и кашлял.

– В телегу его, мужики... – донесся сквозь звон в ушах чей-то дрожащий голос. – Нельзя бросать, живой же...

Вспышки сознания были краткие, нечеткие. Его грузили в телегу, скрипели колеса, надрывалась чахлая лошадка. Иногда он приходил в себя, обводил пространство мутным взглядом. Нешадно болтало, рядом кто-то стонал. Телегу окутывал невыносимый гнойный запах. С другой стороны лежал боец с перевязанной головой. Под повязкой запеклась кровь. Он закатил глаза, серое лицо было неподвижно – не человек, а уродливая маска. Он, похоже, уже умер, но этого не замечали...

Колонна втягивалась в сумрачный лес. Люди едва волочили ноги. Кто-то отстал, обещал своим, что догонит, только передохнет минутку-другую. Молодой голос умолял товарища оста-

вить покурить – свой табак давно кончился, а курить страсть как хочется. «Неужели сдадим Ленинград? – сетовал кто-то. – Но это же глупость, как такое можно представить!» – «Не сдадим, – отвечали ему, – для этого всех придется убить, а всех не убьешь – много нас... Замкнут кольцо – ничего, и в кольце повоюем...»

Кольцо вокруг города действительно смыкалось. На Карельском перешейке финны подошли вплотную, вели обстрел. На юге, на западе – везде немцы – вот оно, кольцо.

Две недели назад фашисты взяли станцию Мгу, перерезав железную дорогу на Большую землю, попытались пробиться к Ладожскому озеру, где еще действовала советская флотилия...

Березин плохо понимал, что произошло. Истошные крики: «Немцы сзади!» Надрывались мотоциклетные моторы, дробно рокотали пулеметы, закрепленные в люльках. Истошно закричал лейтенант: «Всем рассыпаться! Отразить нападение!»

Создалась неразбериха. Люди бегали взад-вперед, как муравьи в муравейнике. Зарокотал пулемет Дегтярева, к нему присоединился еще один. Красноармейцы рассыпались, вступили в бой.

Протаранить колонну с ходу немецким мотоциклистам не удалось. Они разъехались по округе, попрятались за деревья. Вспыхнула беспорядочная перестрелка.

Усатый ефрейтор яростно стегал клячу, пытаясь увести телегу с дороги. Телега сотрясалась, лошадь ржала, рвалась из оглоблей. Ефрейтор гнал ее в лес, кричал страшным голосом.

Березин опять потерял сознание. Когда очнулся, бой еще продолжался. Вокруг кусты, обломанные ветки, усыпанные желтеющей листвой. Красноармейцам удалось отразить нападение. В дыму мелькали фигуры. Слово из тумана выростали силуэты солдат в мышинной форме, они приближались короткими перебежками, двигались боком, стреляли от бедра.

«Лейтенанта убили!» – прокричал испуганный голос.

Цепочка красноармейцев пока держалась, работали пулеметы.

«Бойцы, за мной, в атаку!» – скомандовал кто-то. Отдельные крики «ура!» утонули в шуме боя.

Атака захлебнулась, уцелевшие отползли назад.

Рвались гранаты. Березин ворочался, пытался подняться, держась за край телеги. Такое ощущение, что на этом ложе только он и остался жив. Возможно, так и было – пули прошили тех, кто еще подавал признаки жизни, а лейтенант оказался прикрытым их телами.

Тихо ржала подстреленная кляча, она лежала на боку, мотала шеей, смотрела невыносимо жалобными глазами. Неподалеку лежал мертвый ефрейтор – пуля пробилла ему голову, под затылком растекалась лужа. Трофейный автомат выпал из рук, валялся в канаве.

Березин поднатужился, заорал от боли, чувствуя, как открываются раны, стал выталкивать из телеги мертвого красноармейца. Перевалился через край, съехал на землю, пополз, стискивая зубы. Добрался до канавы, вытащил за ремень «МР-40». Перевернулся на спину, поднял автомат. Дрожали руки, темнело в глазах.

Неподалеку горел немецкий мотоцикл, все пространство окутывал черный смрад. Звон в ушах заглушал нестройную пальбу. Неподалеку взорвалась граната. Теперь он практически ничего не слышал.

Из дыма возникли фигуры в мышинной форме. Они подкрадывались, как воры, Березин видел их сосредоточенные лица. Боимся, господа фашисты, когда страшно?

Он точно помнил, что стрелял, автомат трясся в руках, он прикладывал дикие усилия, чтобы его не потерять. Точно не знал, попал ли в кого.

Автомат дернулся и замолчал – иссяк магазин. Обидно.

Лейтенант поднял голову – вверху покачивались вековые сосны. Сознание уплывало.

Потом он слышал возбужденные крики, матерную русскую речь. Что-то произошло, и уцелевшие красноармейцы эту новость приняли на ура. Стреляли на востоке, там же ревели двигатели. Хлопали нестройные винтовочные залпы. К месту боя подоспело еще одно подраз-

деление, прорвавшее окружение. Это были три полуторки, примерно взвод красноармейцев из рассеянного немцами 29-го стрелкового полка.

С колонной отступали несколько штабистов. Полчаса назад они пробились через северные предместья горящего Никольска, вырвались на шоссе, сильно удивив оседлавших его солдат вермахта. Пока те приходили в себя, колонна с боем прорвалась сквозь немецкие позиции и вышла на проселочную дорогу.

Солдат мотоциклетного подразделения смяли, расстреляли в упор. Выжившие немцы бежали в лес. Остановка была кратковременной. Хрипло ругался офицер: «Чего вы возитесь?! Всех, кто способен держать оружие, – в головную машину, туда же пулемет, доходят – в замыкающую полуторку!»

Из выхлопной трубы грузовика несло бензиновым дымом. Березин опять потерял сознание, когда его схватили за руки и за ноги и стали закидывать в кузов. Уж потерпите, товарищ лейтенант, сейчас не до бережного обхождения!

Очнулся он от тряски. Серое небо прыгало перед глазами. Попытался перевернуться на бок. Сильно знобило. Кто-то совал под нос фляжку с водой – он глотал, давился, драгоценная влага стекала на пол.

Сидящий рядом офицер с перевязанной головой что-то спрашивал. Но Березин не слышал, в ушах звонили колокола, гремели товарные вагоны и работал на полную катушку сталеплавильный цех. Офицер попробовал кричать громче. Кто я такой, как здесь оказался, к какому подразделению приписан? Разве не видит по петлицам, что перед ним офицер Главного управления госбезопасности? Или сам такой же – подбитый и порядком контуженный? Березин что-то прошептал и впал в забытье...

Глава 3

Почти 900 дней продолжалась блокада Ленинграда. От голода, холода, непрерывных обстрелов и бомбежек погибли сотни тысяч горожан. Огромные потери понесли войска Ленинградского фронта, оказавшиеся в кольце. Но выстояли, не пустили немцев в город.

Отказавшись от затеи взять Ленинград штурмом, немцы решили уморить его голодом. Но город жил, работал, хотя фактически превратился в город-призрак. Снабжение осуществлялось по Ладожскому озеру – в летнее время судами, зимой по льду – под непрерывными обстрелами и бомбежками с воздуха.

Эта дорожка очень беспокоила немецкое командование. Несколько раз немцы пытались прорваться на правый берег Невы в районе Шлиссельбурга, чтобы перерезать «Дорогу жизни», окончательно замкнув тем самым кольцо блокады. Но советские войска стояли насмерть.

Шлиссельбургскую крепость на Ореховом острове у истока Невы немцам не отдали. 500 дней ее оборонял маленький гарнизон из солдат 1-й дивизии войск НКВД и моряков береговой батареи. Немцев не пустили на правый берег. Именно в этом районе в январе 1943-го увенчалась успехом очередная попытка прорвать вражескую блокаду.

Артподготовка продолжалась больше двух часов, потом войска Ленинградского и Волховского фронтов устремились навстречу друг другу. Был отбит Шлиссельбург, прорезан коридор шириной 11 километров для восстановления сухопутной связи Ленинграда с остальной территорией.

Одновременно от немцев очистили южную часть Ладоги.

Бои шли яростные, кровопролитные. Немецкое командование бросило в бой все резервы. Советские войска отражали атаки, пытались расширить плацдарм. Увеличить зону, свободную от немцев, в этот год не удалось, но коридор остался. За 17 дней вдоль берега Невы проложили железную и автомобильную дороги. В город устремились потоки грузов. Из Ленинграда гражданское население эвакуировали в тыл. Многострадальный город вздохнул свободнее...

Но только через год, в январе 1944-го, блокаду сняли полностью. 14 января началась Ленинградско-Новгородская наступательная операция. 20 января войска Ленинградского фронта разгромили Красносельскую группировку вермахта, погнали немцев на запад, освобождая южные пригороды – Пушкин, Павловск, Красный Бор. Части Волховского фронта освободили Новгород.

27 января в честь снятия блокады был дан салют.

Немецкие войска откатывались на запад. Были освобождены Ломоносов, Петергоф – врага успешно вытесняли из Ленинградской области.

В город приходила мирная жизнь. Возвращалось население из эвакуации, приступали к работе предприятия. Но шрамы войны еще долго оставались на лице города и в памяти людей – забыть такое было невозможно...

– Олег Иванович, вас подождать? – Водитель в штатском высунулся из машины, вопросительно уставился на Березина. Тому было трудно избавиться от наваждения, напавшего на него еще на вокзале. Он глубоко вздохнул, мотнул головой:

– Не надо, Василий, спасибо. Мог бы и на вокзал не приезжать – не маленький уже. Ладно, провез несколько кварталов, спасибо, дальше я сам. Позднее отзвонюсь начальству, ты больше не нужен.

Военных не хватало. На работу, не связанную с выполнением основных функций, иногда принимали гражданских. Они шли шоферами, поварами, снабженцами.

– Хорошо, Олег Иванович, – водитель кивнул, захлопнул дверцу, и выдавшая виды «эмка», отливающая боевыми вмятинами на кузове, тронулась с места.

Он снова погрузился в оцепенение. Нахлынули воспоминания, сжалось сердце.

Березин стоял в самом центре Ленинграда, на Невском проспекте. Позади остался поврежденный Казанский собор, Казанская улица. Через два дома на запад – канал Грибоедова, еще дальше – Зеленый мост через Мойку. Самое сердце родного города.

В 1918 году постановлением Советской власти Невский проспект переименовали в Проспект 25 Октября. Новое название не прижилось, и проспект упорно продолжали называть Невским.

В январе 1944-го, четыре месяца назад, главной городской улице города вернули ее историческое название, проспект официально стал Невским.

Здесь были самые красивые дома в Европе – Березин искренне в это верил. Замечательная архитектура, многие здания стояли веками. Что ни дом – то памятник архитектуры со своими особенностями и своей историей.

До войны проспект утопал в зелени. Сейчас он не узнавал свой город – хотя и приезжал сюда зимой 1942-го. Тогда было трудно, голодно, холодно, но все же многие здания еще стояли. Потом артобстрелы усилились, город ежедневно бомбили. Подразделения ПВО не всегда справлялись со своей задачей.

Сейчас многие здания лежали в руинах. Другие сохранились частично – обрушились отдельные секции. Деревьев не осталось – ушли на дрова. Даже уцелевшие здания смотрелись мрачно, стояли кособоко, в потеках и трещинах, во многих окнах отсутствовали стекла – что говорило об отсутствии жильцов.

На противоположной стороне дороги, в здании, где раньше находился гастроном, велись работы по очистке. Боковая сторона была разрушена, уцелели лишь несущие стены. Люди в фуфайках сгребали мусор, перетаскивали в самосвал тяжелые обломки. Проезжую часть расчистили полностью, по ней сновали грузовые и легковые машины, изредка проезжали троллейбусы, набитые пассажирами. Тротуары приводили в порядок, высаживали молодые побеги, на них уже проклеивались первые листочки.

В других местах все было разворочено, валялись обломки поребриков вперемешку с булыжниками, растекалась грязь. К восстановлению разрушенных зданий еще не приступали – не до этого. Но в городе уже запускали электричество, чинили поврежденные бомбежками коммуникации...

– Товарищ майор, попрошу предъявить документы, – прозвучало совсем рядом. Неслышно подошел патруль – обычное явление. Он всего полчаса в этом городе, и уже дважды проверяли.

Олег достал из внутреннего кармана служебное удостоверение, командировочное предписание. Красная книжица с надписью «Главное управление контрразведки СМЕРШ» произвела на патруль впечатление, сержант уважительно кивнул. Не сказать, что город наводнили немецкие шпионы в советской форме, но инциденты случались разные.

Сержант развернул предписание, бегло просмотрел, мазнул взглядом стоящего перед ним Березина. Последний выглядел опрятно, обмундирование не новое, но чистое, сапоги начищены, форменная куртка поверх кителя, на ремне планшет. Орденовые планки: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда».

Внешне за прошедшие два с половиной года Березин сильно изменился. Уже не такой подтянутый, как раньше: не сказать, что погрузнел, но как-то расширился, появились морщины на лице, кожа стала тусклой, глаза запали. И подвижность уже не та, что прежде, иногда болели суставы, появлялась одышка.

– Вы прибыли из Новгорода? – уточнил патрульный.

– Да, сержант, – согласился Олег. – Краткосрочная командировка из армейского отдела контрразведки.

Придаться было не к чему. Проверяющий вернул документы, отдал честь, патруль отправился дальше.

Время в запасе оставалось, он решил пройтись по памятным местам. Взвалил на плечо офицерский вещмешок с сухим пайком, перебежал проспект на четную сторону. Ее когда-то называли «солнечной», по ней любили гулять горожане.

Разрушенное здание осталось за спиной. Два следующих уцелели, но разрушения и там имели место. Он прошел мимо булочной, у которой традиционно толпились покупатели, с замираньем сердца шагнул за угол.

Следующее здание было утоплено относительно линии проспекта. Раньше от проезжей части его отделял маленький сквер, теперь это был пустырь. Деревьев не осталось. Одни побили бомбы, другие спилили на обогрев домов жители.

Дом стоял – на удивление, целый. Березин перевел дыхание, начал судорожно шарить по карманам, вынул пачку папирос, уронил зажигалку...

Обваливалась штукатурка, потрескался фасад, камни вывалились из фундамента. Но окна-люкарны и скульптурные обрамления карниза под кровлей сохранились. В нескольких метрах от тротуара красовалась воронка, похоронившая табачный киоск и стоявшую рядом лавочку. Взорвись бомба чуть дальше – и старое здание просто бы рухнуло...

Дом, на фоне остальных, был небольшой – четыре этажа, два подъезда, арочный проход во двор. В бывшем сквере еще громоздились мешки с песком, обломки противотанковых ежей, сваренные из тавровых балок...

В этом доме он прожил много лет. Отец получил здесь квартиру в 1929-м – как один из ведущих специалистов завода «Красный путиловец» (позднее ставшего Кировским заводом). В 1939-м отец вышел на пенсию, в октябре 1941-го погиб под бомбежкой на строительстве противотанкового рва. Мама когда-то смеялась: живем в средоточии истории и культуры. От дома одинаковое расстояние что до Зимнего, что до Исаакия, что до Спаса на Крови. А Казанский собор и вовсе рядом...

В доме жили люди. Березин прошел через арку, свернул в левый подъезд, медленно поднялся на третий этаж. Подъезд был гулкий, просторный, на вид целый, если не замечать трещины на стенах.

Две двери на этаже, состояние полного запустения. У соседей кто-то жил – коврик под дверью истоптан, а вот в его квартире – никого. Коврик отсутствовал, на полу под дверью лежал толстый слой пыли.

Он поколебался – имеет ли право остаться в этой квартире? По закону вроде да... Самое смешное, что у него сохранился ключ от этой двери. Больше двух лет здесь не был, а ключ всегда носил с собой – никогда с ним не расставался. Олег достал его, какое-то время помялся, потом решил и открыл квартиру. Он покосился на соседнюю дверь, за которой что-то шаркнуло, и вошел внутрь.

Здесь все осталось, как раньше. Только потолок обваливался, а из потрескавшихся стен торчал утеплитель. По всей квартире – равномерный слой пыли...

Накатили воспоминания, тоскливые мурашки поползли по коже. Он бродил сомнамбулой по комнатам, запинался о порожки, чуть не свернул разобранную буржуйку. В доме практически не осталось мебели и книг – мама все сожгла в лютую зиму 1941–1942 годов. Буржуйку привезли с завода бывшие коллеги его отца.

Мама всю жизнь проработала в типографии – занималась версткой газет и журналов. В начале 1941-го ушла на пенсию – работала бы и дальше, но отец настоял. Он еще не выработал свой трудовой стаж, был полон сил...

Последний раз Березин приезжал домой в феврале 1942-го – выдались свободные дни. Война закрутила: ни сна, ни отдыха. Тогда-то ему и встретилась плачущая соседка Клавдия Викторовна, похожая на привидение, но живая. Сообщила, что мама Олега умерла от истоще-

ния несколько дней назад, увезли в Пискарево – там братские могилы, никого не найдешь. Он словно окаменел. Как же так? Ведь писала еще в декабре, что все в порядке, квартира целая, добрые люди подкармливают, ей хватает. Оказалось, все неправда. Получала, как и все иждивенцы, 125 граммов хлеба ежедневно, больше ничего.

Клавдия Викторовна приходила к ней практически каждый день, поддерживала как могла. Вроде жили, улыбались. А однажды пришла – мама лежит в зимнем пальто под одеялом, лицо белое, неподвижное. От чего умерла – от холода, от истощения, уже и не поймешь...

Зима в тот год побила все рекорды. Погода словно издевалась над людьми. Или испытывала на прочность, кто знает. Снег лежал с октября по апрель. С Финского залива дули промозглые ветра, столбик термометра падал ниже двадцати.

Березин прожил в городе несколько дней, все видел, испытал на себе. Солдатам в окопах было легче, их хотя бы кормили. С ноября до Нового года иждивенцы получали по 125 граммов хлеба – это и подкосило. Впоследствии нормы подросли, но люди все равно голодали. Не было ни отопления, ни электричества, ни водоснабжения. Топили снег, грелись у буржук. Он все это помнил.

Диктор Меланед, предупреждающий по радио об артналете, ленинградский метроном, застывшие на улицах троллейбусы – они стояли месяцами, превращаясь в сугробы. Люди передвигались, будто тени. Многие падали и больше не вставали. Это было обыденное явление, к нему постепенно привыкли. К упавшим подходили, убеждались, что человек мертв, и шли дальше. Специальные похоронные команды каждый день убирали с городских улиц по несколько сотен тел.

Другие умирали у себя дома – как его мама Валентина Петровна, просто засыпали и не просыпались. Лежали синие, костлявые, с истончившейся кожей. У многих не было сил добрести до магазина, отovarить карточку.

Добыча топлива для иных превращалась в смысл жизни. Топили мебелью, дверями, книгами. Иногда для растопки ломали целые здания. Продуктовые магазины работали исправно, продукты поступали своевременно, дело было в микроскопических нормах. Городские хлебозаводы работали под контролем военных. Но транспорт отсутствовал, хлеб с заводов и складов развозили на санях и тележках.

Березин был свидетелем инцидента. Трое грабителей напали на снабженцев, везущих на санках хлеб. Все произошло у крыльца магазина. Одного снабженца застрелили, второй прикинулся мертвым. А когда те кинулись к саням, он открыл огонь из пистолета. Одного прикончил сразу, двух других ранил. Потом поднялся и с наслаждением их достреливал. Налетчики просили их не убивать, ссылались на то, что не ели несколько дней, бес, мол, попутал. Но мольбы не помогли. Собрались люди, все видели, никто не возразил – хотя грабителям было от силы лет по семнадцать.

Прибежал патруль, выяснили, что к чему. Последнее дело – отнимать еду у беззащитных стариков и детей. Поговаривали злые языки, что в Смольном руководство города жирует, ни в чем себе не отказывает – и барашков им привозят специальные команды, и любые фрукты с овощами. Березин в это не верил – на то и злые языки, чтобы множить вранье...

Он стоял у старых семейных фотографий, развешанных на стене. Все потускневшее, старое, но мама такая молодая и отец еще – парень хоть куда... Олег отыскал тряпку, стал стирать со снимков пыль. Прошел в ванную, безуспешно пытался открыть воду. Вода в колонке, а колонка на соседней улице, и там очередь... Не все удовольствия сразу.

Березин был в курсе засекреченной информации, знал, сколько жизней стоила блокада и ее последующее снятие. Порой преследовала мысль, что истинные цифры советским гражданам никогда так и не объявят. Возможно, это и правильно – цифры ужасали, в них невозможно было поверить...

Он посмотрел на часы. Как-то странно выходило, прибыл с запасом. В квартире было пусто и холодно, витали призраки прошлого. Стоило нанести визит соседке.

Дверь квартиры напротив открыла женщина лет сорока – худощавая, с короткой прической и челкой, закрывающей половину лба. Несмотря на возраст и шуплое телосложение, она была миловидной. Соседка куталась в шерстяной платок, смотрела настороженно, с затаенным страхом. Так уж здесь сложилось, что мужчинам в форме граждане не всегда рады. Женщина поежилась, запахнула плотнее шаль.

– Я вас слушаю... Здравствуйте... – У нее был сухой, немного сиплый голос.

– Здравствуйте, – сказал Березин. – Мне бы Клавдию Викторовну. Я ваш сосед из квартиры напротив, сын Валентины Петровны, Олег Березин...

– О, простите, а я подумала... – Она смутилась, румянец покрыл впалые щеки. – Проходите, пожалуйста, я ее племянница Маргарита...

Он шагнул через порог, держа в руках небольшой сверток. В двухкомнатной квартире было прибрано, на вешалке висело одинокое пальто. Дверь в комнату была приоткрыта. Он заметил, что мебели почти нет (как и у большинства выживших ленинградцев), только самое необходимое – кровать, тумбочка, уже ненужная сейчас, в мае, буржуйка. В гостиной висели полки с книгами – их туда поставили явно недавно.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила женщина. – Не знаю даже, куда... наверное, на кухню.

– Мне бы Клавдию Викторовну, – повторил он. – Моя мама скончалась зимой 1942-го, Клавдия Викторовна до последнего дня ее поддерживала, заботилась о ней. Я знаю, что они дружили, помогали друг другу. Хотелось бы просто ее увидеть. Я не был здесь больше двух лет...

– Тетя Клава умерла, – потупилась Маргарита.

– Простите, – помрачнел Олег, – я не знал. Правда, не знал. Как это случилось? Она ведь была такая крепкая...

– И даже рассказывала про вас... – женщина подняла на него любопытный взгляд, – как вы приезжали в краткосрочный отпуск, а мама ваша умерла за несколько дней до этого, и вы об этом не знали и даже не съездили на ее могилу, потому что в этих могилах – тысячи...

– Я ездил в Пискарево, – поправил ее Березин. – Но вы правы, там невозможно никого найти. Сведения о погребении отсутствовали. Не всех зарывали в землю. Многие тела сжигали в печах, прах сыпали в канавы... В тот приезд мы полночи разговаривали с Клавдией Викторовной, пили чай... Не помню, чтобы она рассказывала про свою племянницу...

– А вы документы мои проверьте, – Маргарита глянула на него с укором, – или сходите в жилконтору, спросите, что за особа проживает на этой жилплощади и имеет ли она на это право...

– Даже не собираюсь, – поморщился Березин. – Вы неправильно меня поняли... Прошу прощения.

– Тогда и вы простите, – сухо улыбнулась женщина, – за то, что неправильно вас поняла. Вы пройдете?

– Нет, спасибо, в другой раз, – отказался Олег. – Мне еще на службу надо. Я из Новгорода прибыл, по делам. Образовались несколько свободных часов, решил забежать... Вот, держите, – он протянул ей сверток.

– Что это?

То, что лежало в свертке, простым смертным было, к сожалению, недоступно. Год назад Ленинградская кондитерская фабрика имени Н. К. Крупской возобновила выпуск конфет, прерванный в связи с блокадой. Их распределяли по детским домам, предприятиям «усиленного питания», часть поставок шла в армейские структуры.

– Что вы, я не могу, – запротестовала Маргарита. – Возьмите, не надо, я же не ребенок, право слово. Вы это Клавдии Викторовне везли...

– Но вы же сегодня за нее, – неловко пошутил он. – Возьмите, Рита, не обижайте меня. Попьете чай, помяните тетушку... и мою маму тоже. Нам это выдают, все в порядке, не беспокойтесь, я уже ел.

– Спасибо, Олег... – она смахнула тыльной стороной ладони набежавшую слезу, – мы уже не голодаем. На деньги пока ничего не купить, но пайковые нормы подняли, расширили ассортимент – с этого уже ноги не протянешь, как раньше... Мы всю жизнь прожили на Петроградской стороне. Мой отец, ее брат, работал в научно-исследовательском институте, преподавал биологию в университете. Его отношения с тетей Клавой испортились после смерти моей мамы от туберкулеза. Он быстро нашел себе другую – слишком молодую для него, это была его ассистентка... Они поженились, у меня появилась мачеха, это было начало 1941 года... Его новая жена умерла от холода под Новый год – субтильное сложение, проблемы с кровообращением... Моего отца арестовали в феврале 1942-го, и я до сих пор не знаю, что с ним, мне отказывают в ответе. Когда я в последний раз была в приемной НКВД, там вспыхнули, сказали: радуйтесь, что сами не загремели, нечего тут пыль поднимать... Мой отец ни в чем не виновен, я точно знаю, что это был ложный донос его коллег...

Олег сочувственно молчал. Репрессивная машина работала даже в блокадном Ленинграде. Людей арестовывали и в 1941-м, и в 1942-м. Проводилась крупная кампания против высококвалифицированных ленинградских специалистов. Аресту подвергались сотрудники высших учебных заведений, работники науки, искусства. Предъявленные обвинения оригинальностью не отличались: «участие в антисоветской контрреволюционной деятельности». За короткое время арестовали около 300 человек, даже состоялись судебные процессы. Их проводили военные трибуналы войск Ленинградского фронта и войск НКВД Ленинградского округа. К смертной казни приговорили 32 человека, впрочем, реально расстреляли только четверых, остальным высшую меру заменили исправительно-трудовыми лагерями. Многие арестованные гибли в следственных тюрьмах, на этапах, пересылках, родственникам об этом сообщали не всегда. Смерть в блокадном Ленинграде – на каждом шагу, кого волнуют мертвые предатели?

– Я думала, и меня арестуют, – тихо проговорила Рита. – Я слышала, что брали не только ученых и преподавателей, но и членов их семей... Жила одна в квартире, ходила на работу... и дождалась, – женщина грустно улыбнулась. – Так всегда и бывает: ждешь одну беду, а приходит другая. Это было в конце февраля: искала растопку в соседнем квартале, в доме было страшно холодно, объявили арналет, успела добежать до ближайшего бомбоубежища. А когда все закончилось, вернулась к своему дому на улице Куйбышева, а его разбомбили... Мы жили недалеко от набережной, где стоял крейсер «Аврора»... – Женщина побледнела, воспоминания давались ей с трудом. – Верхние этажи полностью снесло. Мы жили на первом – там все просело, была угроза обрушения. Я плохо помню, меня держали люди, я вырвалась, полезла в квартиру, чтобы забрать документы, карточки, кое-что из одежды... А когда меня вытащили, сломалась несущая стена, все рухнуло... Я пешком пришла к тете на Невский, она приютила меня, вот с тех пор я здесь и живу...

– Вы работаете, Рита?

– Конечно. – Она твердо посмотрела ему в глаза, мол, как можно не работать. – И в блокаду работала, и сейчас работаю. Каждый день хожу пешком в библиотеку Академии наук на Васильевском острове, заведую отделом зарубежной научной литературы. Впрочем, только два месяца заведую, до этого была рядовой сотрудницей... Раньше добиралась с Васильевского, теперь из центра... Транспорт долго не ходил, приходилось идти пешком, по холоду и в темноте... Не только я, все так делали. Раньше требовалось полтора часа, сейчас – час... Работаю посменно – два дня по двенадцать часов с раннего утра, сутки отдыхаю...

– Как умерла ваша тетя?

– Она ходила карточки отоваривать... – снова на ее глаза навернулись слезы, – уже домой возвращалась, прошла подворотню. У самого подъезда силы кончились, легла в снег и уснула... Тогда это было обычным делом, многие так умирали. В тот день мела метель, был сильный мороз. Я вернулась с работы, она лежит, а рядом инвалид Петрович из первого подъезда стоит, охраняет тело. Она хлеб несла – и представляете, никто не покусился, пока она лежала. Ведь все голодные были, с ума сходили от голода, ботинки ели, ремни, несъедобные корни из земли выкапывали... Никто не взял этот хлеб, потому что нельзя чужое брать – это впитали с молоком матери...

Он снова деликатно помалкивал. Ели не только ботинки и ремни. Отмечались случаи каннибализма – не часто, но было и такое. За это жестоко наказывали. Военные патрули расстреливали трупоедов на месте. Бывали случаи убийств с целью последующего поедания. Людей запирали в подвалы, расчленяли, варили в котлах...

– Я рад, Рита, что у вас все нормально, – сказал он, – жизнь восстанавливается, ужасы блокады больше не вернуться. Наши войска сейчас в Белоруссии, выходят на границу с Польшей, мы освободили практически всю нашу территорию. Осталось добить врага в его логове... Простите, это, наверное, похоже на сводку Информбюро?

– Немного, – она тихо засмеялась. – Я тоже рада, Олег, что с вами все в порядке. Вы ведь военный человек, постоянно рискуете... В каких войсках служите, если не секрет?

Он не решился дать правдивый ответ. Нет доверия у большинства советских граждан к людям его профессии. Главное управление контрразведки, особые отделы, НКВД – они не разбираются в этих тонкостях и просто всех боятся. Долго объяснять, что подавляющее большинство сотрудников борются с реальным врагом, а не с невиновными гражданами собственного государства. До 1943 года офицеры особых отделов и госбезопасности носили свою форму. После 1943-го – отличительные знаки тех частей, к которым были приписаны. В петлицах майора контрразведки поблескивали перекрещенные пушки – артиллерия. Чтобы не только враг не догадался, но и свои не знали...

– Артиллерийское управление, – скупно отозвался он. – Из действующей армии выбыл по ранению, теперь несем службу в тылу. Командировка в Ленинград – вот и решил провести свою квартиру. Возможно, скоро переведут сюда, но пока служу в Новгороде. Это близко, – улыбнулся он, – всего лишь двести километров, пять часов на поезде.

– Вы не женаты? – спросила Рита.

– Нет, – покачал он головой. – А вы замужем?

Спросил и ступешался – получилось как-то глупо. Она совсем не похожа на замужнюю женщину. Возможно, разведенка или вдова...

– Не сложилось, – пожал плечами Рита. – До войны казалось, что еще рано, успею, да и не было на горизонте подходящей кандидатуры. Я ведь была очень требовательной и привередливой... Вы смотрите удивленно, Олег, – подметила Рита, – вас удивило, что я считала себя несозревшей для замужества? Да, я выгляжу ужасно, на вид мне далеко за сорок... Как вы думаете, сколько мне лет?

– Ну, не знаю, – смутился Березин. – Тридцать три – тридцать четыре...

– Двадцать восемь, – она засмеялась, наблюдая за его реакцией. – Ладно, все в порядке, не хочу вгонять вас в краску. Перед войной я окончила библиотечный факультет Ленинградского университета. А вам сколько? Вы тоже выглядите на сорок. Наверное, вам сорок и есть?

– Тридцать два...

– О, господи, простите... – что-то клокотнуло у нее в груди, она прижала руку к сердцу, – и смех, и грех, как говорится... Давайте считать, что, несмотря ни на что, мы неплохо сохранились, согласны?

– Договорились, – кивнул он. – Виноват, Рита, я должен идти. Еще увидимся.

– Подождите... – Она заколебалась. – Можно личную просьбу, Олег? Вы человек военный, целый майор, у вас, наверное, есть связи... Не могли бы прояснить судьбу моего отца – Грачева Николая Викторовича? Я не питаю надежд, уже смирилась, что хороших новостей не будет... – она поежилась, снова запахнула шаль, – просто мне нужно знать, вы понимаете?

– Хорошо, я попробую, – кивнул он. – Но не обещаю – как получится. Ответная просьба, Рита. Я оставлю ключ за косяком над дверью. Вы можете последить за квартирой? Я позднее напишу вам свой адрес полевой почты.

– Да, конечно, мне не трудно... Вам нехорошо? – забеспокоилась она.

Закружилась голова, ноги стали ватными. Как же не вовремя, черт побери! Такое с ним иногда случалось, и предугадать это было невозможно. Он оперся о косяк, перевел дыхание. Нательное белье прилипло к спине.

– Нет, все в порядке, Рита, такое случается, – он кисло улыбнулся. – Побочный эффект войны, знаете ли. Последнее ранение не прошло бесследно... Нет, в самом деле, все хорошо. – Он перевел дыхание и вышел из квартиры. – Еще увидимся, всего доброго.

Страшно разболелась голова. Хорошо хоть на этот раз без видений. Он добрался до своей двери, стараясь идти ровно и прямо – знал, что женщина смотрит ему вслед. Улыбнулся в ответ, прежде чем войти к себе, захлопнул дверь. И сразу прислонился к косяку. Била дрожь, голова трещала, как растопка в буржуйке.

Он сполз по косяку на пол, несколько минут сидел, дожидаясь окончания приступа. Это было обычное явление, наступающее без всякой закономерности – могло случаться каждый день, могло подарить неделю спокойной жизни.

Он отдышался, с трудом поднялся, доковылял до кровати и рухнул на нее, не раздеваясь. Взметнулась пыль, накрыла облаком, он лежал в этом облаке и кашлял. Пошарил в планшете, отыскал таблетку, с усилием проглотил. Слюны не было, в горле царил засушливая каракумская пустыня.

Через пару минут боль превратилась в умеренную. Он доковылял до окна, припал к подоконнику, закурил, забыв открыть окно.

Жизнь усиленно трепала. Смерть обходила стороной, но часто с интересом заглядывала в глаза. В 1941 году он весь октябрь провалялся в госпитале с осколочными ранениями. Фашисты блокировали Ленинград, а он валялся в медицинском учреждении на улице Жуковского, которое несколько раз подвергалось бомбежкам.

При арналете погибли почти все офицеры особого отдела, отдавшие приказ содействовать капитану Клыкову в вывозе музейных ценностей из Аннинского дворца. Погибли капитан Черемшин, майор Лыков...

Березин вернулся на службу в ноябре 1941-го. Служил в контрразведке Ленинградского фронта. «Невский пятачок», Шлиссельбург, окрестности станции Мга, занятой немцами.

Несколько раз советские войска предпринимали яростные попытки прорвать кольцо блокады. Но оно оказалось очень прочным. Отчаянный бой у Рабочего поселка № 4 – когда все офицеры секретного отдела попали в окружение вместе с потрепанным батальоном. Когда погибли все командиры...

Березин личным примером поднял бойцов в атаку. В том бою он не получил ни царапины, хотя люди вокруг него гибли десятками. Сотне бойцов удалось пробиться и даже захватить штабной немецкий транспорт и зазевавшегося майора, который на поверку оказался важной шишкой из Абвера.

Березина самолетом отправили в Москву – сопровождать ценного пленника. А назад в город на Неве он вернулся только в феврале – и то на несколько дней. Снова перевод в столичный регион, Волховский фронт, очередные безрезультатные попытки спасти Ленинград.

В 1942-м его перевели в Сталинград, в армию Чуйкова. Выжил и там, представлен к государственной награде. Выявлять вражеских агентов и диверсантов вошло в привычку. Бес-

славная Ржевско-Сычевская операция, потом Белгород, Орел, убедительная победа Красной Армии на Курском выступе, после которой немецкая армия уже ни разу не проводила значимых наступательных операций, а только пятилась на запад.

В январе 1944-го под Ленинградом была разгромлена и отброшена в Прибалтику полумиллионная группировка.

Но не все проходило гладко. Полк, к которому был приписан отдел контрразведки, попал под удар противника. Танковый батальон полка усиления Ваффен СС вклинился в расположение наступающей части, разрезал ее, как нож масло, и нанес удар по штабу. Погибли почти все штабисты, взвод связи, танки сровняли с землей полевой госпиталь, уничтожив персонал и всех раненых, а потом пьяные танкисты гонялись по полю за визжащими медсестрами и расстреливали их в спину.

Полтора десятка человек закрепились в здании школы, полчаса отбивали атаку, имея единственное противотанковое ружье. Они подбили два «Тигра», уложили десяток десантников – но сами полегли почти все, а от здания школы осталась груда обломков. Прорыв танкистов не повлиял на картину сражения – немцы попали в кольцо. Решившие сдаться – сдались, решившие погибнуть – погибли.

Березина без сознания извлекли из-под рухнувшей балки. Осколки и пули прошли стороной, но он заработал несколько сломанных ребер, ушибы тканей и тяжелейшую контузию. Танковый снаряд взорвался поблизости, осколки пощадил, а вот взрывная волна потрепала нещадно. Он едва не угодил в руки похоронной команды – кто-то вовремя обнаружил, что офицер дышит.

Два месяца в госпитале, сильные головные боли, видения, галлюцинации. Со временем их стало меньше, но совсем не прошло. Выписали в конце марта – лечащий врач снабдил лекарствами, рецептами и строжайшими инструкциями, как себя вести, чтобы не попасть в дурдом.

Никакой действующей армии, хорошо хоть в ведомстве оставили. Спокойная работа в тылу – борьба с недобитой резидентурой, анализ положения на фронтах, никакой беготни, драк, стрельбы. Отвоевал свое Березин – пусть теперь другие воюют. «Только время вас вылечит, уважаемый, – говаривал после выписки врач. – Да и то не уверен. С галлюцинациями вы справитесь, а головную боль, по-видимому, придется терпеть до старости... если доживете, конечно. Могу похлопотать о вашем увольнении из армии...»

Он возражал – сами увольняйтесь. Он здоров, как бык! Живой, руки-ноги на месте, голова между приступами работает, а сами приступы можно снимать с помощью таблеток, которые он обязался глотать в строго указанное время.

Последние два месяца он справлялся с обязанностями, хотя прекрасно понимал: он уже не тот. И начальство это видело, спасибо, не стояло с ножом у горла...

Он жадно жевал галеты – медицина рекомендовала усиленное питание. Вскрыл банку тушеной свинины, съел и ее. Спихватился, глянул на часы: в 14.00 он должен быть в Петропавловской крепости.

Через пять минут он уже шел по проспекту в сторону Мойки, петляющей по исторической части города. Пересек чугунный Зеленый мост, выбрался на Дворцовую площадь за Эрмитажем.

Разрушения были, но большинство скульптур, к счастью, сохранились. Памятник Петру, прочие изваяния во время войны маскировали мешками с песком, заколачивали в деревянные ящики. Провалы в стенах и разрушенные строения маскировали сетками. Здесь было много зенитных батарей, они эффективно работали с прорвавшимися в центр бомбардировщиками. Но полностью обезопасить исторические памятники они не могли.

Он шел по набережной Девятого января, вновь переименованной в Дворцовую – мимо Эрмитажа, дворцов и замков Русского музея, у которого за время войны не пострадал ни один

экспонат. Он шел по разводному Кировскому мосту над мутными водами Невы – до 1934 года его называли мостом Равенства, до революции – Троицким.

В Петропавловскую крепость майора впустили по служебному удостоверению. Крепость тоже пострадала, но в меньшей степени. Комплекс зданий с мрачной историей находился на своем месте. Здесь когда-то располагалась главная политическая тюрьма Российской империи. В крепости закончил свои дни царевич Алексей – то ли сам скончался, то ли его убили. Здесь томилась княжна Тараканова, выдававшая себя за дочь Елизаветы; здесь сидели вредный для царского режима Радищев, декабристы, народовольцы, классики литературы Достоевский и Чернышевский, теоретик анархизма Бакунин. Сюда в 1917 году, после того как гарнизон поддержал большевиков, переселили Временное правительство Керенского.

Гауптвахты и тюрьма Трубецкого бастиона вошли в систему тюрем ВЧК. Здесь расстреляли четырех великих князей – и не только: в годы Красного террора у Головкина бастиона врагов – заговорщиков, бывших заводчиков, офицеров и генералов – расстреливали сотнями.

Сейчас на гауптвахте содержались пленные немецкие офицеры чином не ниже майора. Не до всех еще дошли руки.

Задание Березин получил несложное, но ответственное: допросить сидящего здесь уже третий месяц полковника Абвера Зигфрида фон Зельцера. Это имя упомянул захваченный в Новгороде член подпольной диверсионной сети, и очень кстати выяснилось, что данный господин пленен советскими войсками и коротает дни в Петропавловской крепости.

– Зельцер, Зельцер... – бормотал дежурный майор, пролистывая списки. – Да, имеется такая фигура. Oberst Зигфрид фон Зельцер... С ним в камере находятся oberst-лейтенант Шеллинг и генерал-майор Витке. Капризные господа, – улыбнулся майор, – все им не так, условия неподобающие, кормежка отвратительная, отношение – непочтительное. Просят душ... а дулю с маком не хотите? Часто наших заключенных они душем баловали? По мне так все у них нормально, – заключил дежурный, – пальцем никого не тронули – приказа не было. Кормят, как всех, гулять выводят, иногда покурить дают. Охрана все их просьбы игнорирует и правильно делает. Пусть радуются, что не пристрелили. Вам его в отдельный бокс подать?

– Если не сложно, – кивнул Березин. – Для быстроты понимания можно пригласить еще пару опытных специалистов по допросам.

– Понимаю, – улыбнулся майор. – Это правильно. Психология, называется. Немцы существа изнеженные, боли не любят... Вам его сразу наверх?

– Нет, давайте спустимся, посмотрим.

Подвалы бастиона не были курортной гостиницей. Сыро, душно, барахлила подача свежего воздуха. Маленькие зарешеченные камеры – в противовес широким проходам, низкий потолок, скудное освещение. Пленные сами выносили свои параша, сами подметали и мыли полы – это доставляло немалое удовольствие охране.

Лица заключенных хранили надменность, но она уже не убеждала. Исхудавшие, осунувшиеся, они сидели на нарах в выцветших мундирах, исподлобья глядели, кто проходит мимо.

Полковнику фон Зельцеру было лет пятьдесят. Породистое когда-то лицо покрывала бледная маска, редкие волосы торчали пучками. Когда дежурный офицер выкрикнул его фамилию, в глазах заключенного блеснул страх. Маска безразличия сменилась маской ужаса. Но полковник расправил плечи и вышел из камеры прямой, как штык, демонстрируя свое достоинство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.